

Ратников Б.К.

Штрихи к портрету

12+

Борис Ратников
Штрихи к портрету

«Автор»

2020

Ратников Б. К.

Штрихи к портрету / Б. К. Ратников — «Автор», 2020

Как дойти до должности ГЕНЕРАЛ-МАЙОР. Биография Генерал-Майора в отставке КГБ ФСБ Бориса Константиновича Ратникова, как шаг за шагом он продвигался и достигал своей мечты.

© Ратников Б. К., 2020

© Автор, 2020

К ЧИТАТЕЛЯМ

**Смотри на солнышко, любуйся звёздами,
Добро охапками и чувства гроздьями,
Ведь, если захотеть – всё получается,
И радость бьёт ключом, жизнь продолжается!**

К. Ворожбит

Краткая справка

Ратников Борис Константинович – генерал-майор Федеральной Службы Охраны Российской Федерации в отставке. В 1990 годы работал в качестве первого заместителя начальника Главного Управления Охраны РФ. Занимался вопросами обеспечения безопасности высших должностных лиц, в том числе, с применением биотехнологий. Является соавтором книг: «За гранью познанного» 1 и 2 части; «Картина мира в представлении спецслужб»; «Пси-войны России и Америки»; «Риски развития России с позиций пситехнологий»; «Мистика и философия спецслужб»; «Человек, социум, власть»; «Бизнес – путь к успеху»; «Жизнь как она есть»; «Истоки взаимоотношения полов»; «Вектор духовного разрушения России»; «Алгоритм познания для дегустации жизни»; «Откровения Хранителя Вечности»; «Белорусский феномен» и др. Задача данной книги – дать толчок читателю к осмыслению им своей жизни и её закономерностей, осознавая которые он может минимизировать те риски, которые ожидают его в современной агрессивной среде обитания.

Малая Родина

Родился я в деревне Курово, в 40 километрах от города Рязани, территориально находящейся на самой границе Московской и Рязанской областей. Раньше, до войны, это относилось к Рязанской области, но затем карту перекроили и прирастили Московскую область за счёт соседей. Деревня расположена в живописном месте, рядом протекает речушка Меча, которая впадает в Оку, в настоящее время она сильно обмелела и заросла ивняком. А ведь было время в 50-х годах прошлого века, когда сельчане за питьевой водой ходили на речку, которая была очень чистой, с песочным дном, где на перекатах мы ребятишками ловили на удочку пескарей – маленьких, сантиметров десять в длину, рыбёшек, которые водятся только в чистой воде. Но как только в колхоз стали завозить различные удобрения, которые кучами сваливали на полях, то с талой водой вся эта химическая зараза стала попадать в речку, она стала покрываться илом и переставали бить роднички, пескари перевелись и жителям пришлось копать колодцы для обеспечения себя питьевой водой. Рядом начинался Мещерский край, село Константиново, в котором родился известный русский поэт Сергей Есенин. Константиново находилось от нашей деревни на расстоянии всего 12 километров. Моя бабушка по матери – Егорова Ольга Андреевна находилась с семьёй Есениных в дальних родственных связях и поэтому ездила к ним со своими родителями в гости на телеге в дни престольных праздников. По словам бабушки, Есенину в те поры было лет 14-15 от роду и он посвятил ей несколько стихов, которые до сегодняшних дней не сохранились. Бабушка хорошо пела и также сочиняла стихи, что и передалось мне по её генетике. Свою малую Родину в стихах я описал следующим образом:

Я люблю твои рощи зелёные,
Моя малая Родина-мать -
Поймы, реки, поля золочёные,
Жизнь за это всё можно отдать,
Не забыть терпкий запах черёмухи,
Золотые шары под окном,

Лето жаркое, молнии сполохи,
Утром завтрак с парным молоком.
До чего ж ты во всем многогранная,
Моя милая, славная Русь,
Изумрудом росы умыванная,
Навевавшая тихую грусть.
Много в людях талантов открывшая,
С головой окунулась ты в грязь,
И стоишь, словно лишнего выпивши,
Позволяя терпеть эту мразь!
Расплети свои русые косы,
Разгони весь кровавый туман,
Вновь омоют пусть всю тебя росы,
Сгинет прочь этот страшный обман!
Станешь чистой, душою красивою,
Всех детей соберёшь в одну рать,
Запретишь разрешать дела силою,
Не позволишь в стране убивать.
Крикнешь: «Люди! Да что ж вы, опомнитесь!
Не пора бы войну прекращать,
Неужели как братья не можете
Гнев на милость в себе поменять»?!
Не одни на Руси проживаете,
Посмотрите сиротам в глаза,
Своё будущее уничтожаете,
Нету жалости к детским слезам!
Отольются вам всем слёзы детские,
Долго будете вы вспоминать,
Кто с мечом на Руси появляется,
От меча же ему погибать!

Навеянный воспоминаниями бабушки о её прогулках с Сергеем Есениным во время их краткосрочных встреч в селе Константиново, у меня родился в голове стих, посвящённый любимому поэту:

С теплотой вспоминаю дату,
Ведь сегодня больше ста лет,
Как родился в селе под Рязанью
Всеми нами любимый поэт.
Он писал про луга и рощи,
Про родной деревенский быт,
Не хотел прислуживать власти,
И поэтому был убит.
Эта власть, опасаясь правды,
Совершила ряд подлых мер,
Инсценируя самоубийство
В номерах гостиницы «Англетер».
И предела не было горю,
Что испытывал наш народ,

Омывая слезами героя,
Провожая в последний поход.
Он ушёл молодым из жизни,
Полный весь половодья чувств,
В ожидании собственной тризны,
Что срывалось порой с его уст.
Был он нежен и очень лиричен,
Отдаваясь душою стихам,
Внешне был до того симпатичен,
Что увлёл Айсидору Дункан.
Но не мог быть в любви постоянен,
Била молодость в нём ключом,
В кабаках дебоширил часто,
Грусть-тоску заливая вином.
Принял он революцию сердцем,
Но не мог смириться никак,
Что в кабацкой Руси забубённой
Стал такой от неё бардак.
Он писал до того понятно,
Таким славным, родным языком,
От стихов его было приятно,
Даже пахло парным молоком.
Много строк посвятил он природе,
Обожал свою Родину-мать,
Не старался следовать моде,
Чтоб вождям дифирамбы писать.
И за это его уважала
От души вся кабацкая Русь,
Потому что он был ей понятен,
Навевая стихами грусть.
И сейчас, когда больше столетия
Уже минуло с той поры,
Проявилось любви долголетие
За бесценных стихов дары.
Наконец-то его признали,
Стали книги стихов издавать,
Интеллект зародился у власти,
Может станут народ уважать?

В начале июня 1944 года дед Поликарп повёз мою маму на лошади в больницу райцентра города Луховицы рожать, находящегося от деревни в 25 километрах. Дорога была просёлочная, вся в рытвинах и ухабах, километров через 10-12 езды по такой «гладильной доске», маму растрясло и природа взяла своё – на свет появился я. Пришлось деду Поликарпу в экстренном порядке принимать роды у мамы. Родиться то я родился, а вот пуповину отрезать и обработать рану было некому. Дед вынужден был повернуть лошадь назад и через некоторое время, где-то в 3 часа утра, в деревне Кошелёво отыскал гостившего там у своих родственников фельдшера, который и оказал маме и мне квалифицированную медицинскую помощь. В общей сложности, на своей пуповине я проболтался где-то около трёх часов, но всё, слава Господу, закончилось благополучно.

Истоки

Рос я непоседливым ребёнком, любил много играть, у меня была любимая тряпичная кукла неопределённого пола с нарисованным химическим карандашом лицом, с которой я засыпал. В то сложное время грудного молока у мамы не было, она в 1943 году вернулась с моей старшей сестрой из Алма-Аты, где они находились в эвакуации после начала войны, когда немец подходил к Москве.

В 1943 году мой отец – Ратников Константин Васильевич, политрук роты, в боях под Ленинградом был ранен в левую руку немецким снайпером, рука спасла его от смерти, когда он полз и поэтому пуля не попала в сердце. После госпиталя папа вернулся домой.

Вырос я не на грудном молоке, а на родном чёрном хлебушке, который мама сначала жевала, а потом, завернув в марлю, в виде шарика вкладывала мне в рот, чтобы я сосал этот «заменитель» родного мамино молока. Рос в деревне как и все дети тогда – в тесноте, да не в обиде, безо всяческих удобств. Пища разнообразием не баловала – хлеб ржаной – всему голова, картошка во всех видах, капуста квашенная, солёные огурцы, да сало, в те времена практически все сельчане держали поросёнка, а кто и корову с овечками, где были большие семьи. Поросят резали где-то в ноябре, ближе к зиме и делали сало и солонину, так зиму и выживали. Заготавливали на зиму лесную рябину и калину, варили из ягод варенье к чаю, вместо чая заваривалась вяленая морковь и липовый цвет. Два раза в неделю в деревне пекли хлеб, особенно поздней осенью перед первыми заморозками, когда дым из труб стелился по земле, на улице пахло свежеспечённым хлебом, и этот запах запомнился мне на всю оставшуюся жизнь, ведь это тоже часть Родины, осознание которой формируется с самого детства и впитывается до конца жизни с грудным молоком матери. Помню бабушка Оля пекла на сале в русской печке вкуснейшие ржаные пышки, которые мы уплетали с сестрой с молоком за обе щёки, но когда пышки остывали, то становились уже невкусные. В то время деревенская босята всё свободное время проводила на улице, летом всегда босиком, в одних трусах бегали купаться на речку Меча. Купались голышом, девочки в метрах 10-15 от ребят, и никто из нас не пытался подглядывать, потому что воспитывались правильно и уже в детском возрасте было сформированное чувства стыда, так, будучи маленькими, дети имели совесть – личный нравственный камертон от самого Господа-Бога. Всё наше детство проходило в различных играх: В классы, штандары, в пристенку, в чижа, ножечки, секу, попы-гонялы, лапту, казаки-разбойники и во многое другое. Выносливость и здоровье формировались с детства, так как все игры были связаны с активным движением, спортивными навыками, ловкостью и природной смекалкой. Не зря говорят, что личностью становится только тот человек, который проходит через жизненные трудности, а в то время трудности присутствовали на каждом шагу. Где-то в 3-х летнем возрасте, папа сделал мне массивную скамеечку из лиственницы и подарил маленький молоточек и гвозди, чтобы я нарабатывал навык по забиванию гвоздей в эту скамейку. Когда мне стукнуло шесть лет, то папа подарил мне маленький топорик и мы вместе рубили дрова. Он давал мне маленькие чурбачки, чтобы я правильно смог держать в руках топорик и рубить дрова, соблюдая технику безопасности. Дрова пилили с ним также вместе, правда, вся нагрузка ложилась на папу, а я только держал ручку пилы, пока не обрёл в руках надлежащую силу. Папа меня не воспитывал, а взращивал на своих личных примерах, поэтому всё было понятно без слов, а самое главное, это совместное участие и совместная работа на общую пользу уже с самого детства приучала к ответственности за свои поступки.

Детство и юность

Своё рождение и детство я постарался изложить в стихотворной форме, поскольку правильно и с чувством написанный стих действует на людей подобно эпическому заговору:

Я родился в деревне Курово,
От Рязани рукой подать,
В перелеске с названием «Строилово»

Родила меня моя мать.
Её дед Поликарп на подводе
В Луховицы рожать повёз,
Но так надо было природе -
До роддома её не довёз.
Часа три на пупке я болтался,
Пока дед повитуху нашёл,
Там, в деревне, врач оказался
И мытарствам конец пришёл.
Рос как все, пропадая на улице,
Летом бегал в трусах, босиком,
Ноги были как лапы у курицы,
А коленки всегда с синяком.
Зимой с горки на льду катался,
Что порой притирались штаны,
За ремень мой отец тогда брался,
Но своей я не видел вины.
Жили весело, много играли,
То в разбойников, то в войну,
Других игр мы тогда и не знали,
Дрались шпагами, как в старину.
Щит в руках был от бака крышкой,
Шпага – палка орех или клён,
Бились так, пока кто б из мальчишек
Не упал, этой шпагой сражён.
Окружала нас мать-природа,
Отражаясь в детских глазах:
Река Меча, леса и уголья -
Всё навеки осталось в сердцах!
Кругом зелени было много,
Георгины росли в те поры,
Как солдаты ровнялись строго
Под окном золотые шары.
Проживала семья очень скромно,
На столе разносол невелик -
Огурцы из бочки солёные,
Да с прожилками сало – шпик.
Ели, правда, ещё капусту,
Да картошку, как хлеб второй,
И для мамы было искусством,
Чтоб еда не казалась одной.
И сейчас в Луховицком крае
Даёт фору другим – огурец,
Неросимый и Нежинский ранний
Среди всех «удалой молодец.
Отец был председатель колхоза,
Чуть заря – он уже на ногах,
Относился ко мне он серьёзно -
Сено я убирал на лугах.

Подвозил зерно от комбайна,
Ворошил на току его,
Он к труду приучал не случайно,
Чтоб познал я себя самого.
Научился с людьми бы общаться,
Проявлял уважение к труду,
Чтобы цели смог добиваться,
Вёл достойно себя на виду.
В кузнецу прибежал я ребёнком,
Лошадей наш кузнец там ковал,
Помню, как играл с жеребёнком
И мехами огонь раздувал.
Мама часто меня покрывала,
Не давая отцу узнать,
Что своим хулиганством бывало
Я его мог краснеть заставлять.
Разливалась Меча весною,
Половодье – каникул пора,
Мы на льдинах катались гурьбою
И играли в лапту аж с утра.
Летом лезли в сады украдкой,
Ели кислый зелёный плод,
И на брюхе потом, через грядки,
За редиской ползли в огород.
Горе было тому, кто попался,
Был исхлёстан крапивой тотчас,
Задом в речке затем отмокался,
Утирая слёзы из глаз.
Было хобби у меня в детстве -
Я гармошку очень любил,
И отец, несмотря на протесты,
В 1 классе мне «хромку» купил.
Говорила родная сватья -
Гармонисты сплошная пьянь,
Не послушал её мой батя,
За гармонью поехал в Рязань.
Инструмент я освоил быстро,
В 3 классе по свадьбам ходил,
У меня тогда не было мысли,
Чтобы вместе со всеми я пил.
Относились ко мне к уважением,
Подавали вино с калачом,
Или браги с медовым брожением,
Иль лафитник с родным первачом.
Но наказу я следовал строго,
Если выпью – отнимут гармонь,
Вот поэтому пил я немного,
Чтобы чувствовать в пальцах огонь.
Утром бабы меня провожали

И сдавали на руки родным,,
Те дыхнуть каждый раз заставляли,
Чтоб учуять – не пахнет спиртным?
Я ни разу не попадался
И в доверии рос до конца.
В 7 классе баян мне достался,
Упросила купить мать отца.
Первым парнем я слыл в округе,
Вечерами на танцах играл,
Пред деревней имел заслуги,
Ведь на каждой пирушке бывал.
Знал, наверное, сотню частушек,
Сочинённых всегда с «огоньком»,
Хор девчонок – сплошных хохотушек,
Под баян пели их с матерком.
Но немного я здесь отклонился,
Хронологию буду блюсти.
Я на детстве остановился,
Чтоб в порядок года привести.
Школа наша была недалече,
Назвалась начальной она,
Не хватало детей в классах вечно,
Потому что сказала война.
Мы сидели тогда все вместе
С 1-го по 4-й класс,
И скажу я, друзья, вам по чести -
Азы знаний вбивались в нас.
В школе был Пётр Акимыч – учитель,
Тот, что знания линейкой вбивал,
Но не всем он казался «мучитель»,
Так как многое каждому дал....

С детских лет мама подметила у меня тягу к музыке. В то время в деревне проживало два гармониста и в дни престольных и революционных праздников они часто играли на улице, около своих домов. Я смотрел на их пальцы, которые бегали по кнопочкам, как заворожённый. Когда гармонист отвлекался на очередной тост за столом, то доверял мне на время подержать свою гармонь и тогда я был на 7-м небе от счастья, что держу волшебный инструмент в руках. Каждый год, начиная с 5-ти лет, моя бабушка Оля ходила со мной за 3 километра в церковь, где меня батюшка причащал. Однажды, когда он уже дал мне ложку причастия, я схватил его за руку и повторно потянул к своему рту. Батюшка, зачерпнув ложкой причастие, дал мне вторую ложечку, сказав при этом скороговоркой бабушке, что сей отрок, когда вырастет, то будет пьяницей. Баба Оля это запомнила и когда мама упросила отца купить мне гармонь, бабушка воспротивилась, заметив, что все деревенские гармонисты пьяницы. Но отец никого не послушал и купил мне в Рязани тульскую гармонь с хроматическим строем, которую я осваивал целыми днями, подбирая на слух песни из тогдашнего послевоенного репертуара. Где-то, начиная уже с третьего класса, меня стали приглашать на проводы ребят в армию, на престольные праздники, на свадьбы и другие деревенские пирушки. Я был выгоден приглашающим, поскольку не употреблял спиртное. В деревне в те поры не знавали вина, там было только белое и красное. Белое – самогонка простая, а красное – тот же самогон подкрашенный свёклой. За мной

обычно приходили деревенские женщины и отпрашивали меня у родителей под честное слово на праздник поиграть для их гостей. Отец строго предупреждал меня, что если, не дай Бог, от меня будет пахнуть спиртным по возвращении, он тут же гармонию разрубит топором на колоде, где колет дрова. Когда я появлялся с гармонью в гостях, то мне сразу предлагали налить красненького или беленького. Я предпочитал немного красного, поскольку она была слабее градусом, делал один глоток для порядка, как самостоятельный мужчина, затем плотно закусывал и играл всё ночь до утра, меняя плясовые наигрыши и репертуар известных песен. Пляски были обязательно с матерными частушками, других в деревне просто не пели, да и в разговорной речи присутствовал мат для связки слов. Выражались все: и мужики и бабы, а дети только между собой. Утром меня до дому провожали бабы, и целым, и невредимым сдавали на руки родителям. Я ни разу не вышел из доверия, так как пил всего один глоток красного и к утру алкоголь просто выветривался. В 7 классе отец купил мне тульский баян, который я храню и сейчас как своеобразную реликвию, баян и сейчас играет, потому что при Сталине делали всё качественно. Вместе с этим баяном я четыре года подряд во время летних каникул выезжал со студенческим строй отрядом на целину, когда учился в МАИ. В 1966 году за активное участие в стройотрядах среди других студентов был награждён первой правительственной наградой – медалью «За освоение целинных и залежных земель».

В деревне с детских лет все дети были к труду привычные, стремились помогать родителям по хозяйству: растить и поливать огурцы, засыпать завалинку – это своеобразное утепление дома землёй, чтобы он не промёрз зимой. Ставился рядом, на небольшом расстоянии от стены дома, плетень из хвороста, и всё это пространство заполнялось обычной землёй, так как фундаментов в то время под домами не было, сруб стоял

на подложенных под стену булыжниках, жили ведь бедно. Летом деревенские ребяташки работали на сенокосе – сгребали сено на конных граблях в валки, из которых потом делались копны подсохшей травы, чтобы затем из сена закладывать стога. После сенокоса наступала пора уборочной и мы возили на грузовых машинах зерно от комбайна на колхозный ток, где оно сушилось. До сих пор я не потерял навык как запрягать коня в телегу. Такие вот деревенские «университеты» и помогали нам развивать силу духа и обретать любовь к Родине и родному краю. Жили в ту пору люди в деревне дружно, одно слово – колхоз, словно в одной семье, ничем друг от друга не отличались. Достаток был у всех одинаковый, ведь получали за свою работу не деньги, а трудодни – эквивалент затраченного труда, за которые полагалось зерно, картофель и другие сельскохозяйственные культуры – всё то, что выращивали в колхозе. Зерно мололи на мельнице, а затем муку продавали на рынке, также и другую продукцию. Одевались все однообразно: у мужиков телогрейка да кирзовые сапоги; у женщин плюшевая жакетка да пуховый платок на голову. Двери на замок в домах не закрывались, для этого использовались щеколды и крючки, а то и просто дверь прижималась лопатой или вилами, чтобы было видно гостям, что в доме никого нет. Воров не было, так как все друг друга хорошо знали, да и красть было нечего. Дорог шоссейных в то время в деревнях не было, осенью на улице была сплошная непролазная грязь, на легковой машине без трактора по улице было не проехать, поэтому основной нашей обувкой были резиновые и кирзовые сапоги. Посевную, сенокос и уборочную отмечали всем колхозом на лугу, с собой приносили нехитрую домашнюю снедь да самогон.

Начальная школа располагалась в деревне, учеников в те поры в классах было очень мало, поскольку сказалась война. Мы тогда сидели все вместе – с первого по четвёртый класс в одной небольшой комнате. Наш тогдашний учитель – Калинин Пётр Акимович, был достаточно строг, всегда ходил по классу с большой чертёжной линейкой в руках, и как только кто-нибудь отвлекался от своего задания, то сразу получал удар линейкой по спине. А отвлекаться было на что, в 4-м классе ученикам показывали красочные плакаты о происхождении земли и человека, там были доисторические животные, тропические леса, первобытные люди и др.,

или же учитель показывал химические и физические опыты, которые тянуло очень посмотреть, несмотря на запреты, вместо того, чтобы заниматься чистописанием. Писали перьевой ручкой, с нажимом 86-м пером, и только в старших классах разрешали потом писать «хохлаткой» – пером без нажима. Чернильницы – «невывлашки» носили с собой в маленьких мешочках, чернила из них выливались мало, даже если их перевернуть.

На деревне самыми уважаемыми людьми были сельский учитель и фельдшер. И если какой-то родитель встречал на улице учителя, то уважительно раскланивался с ним и просил построже относиться к его ребёнку. После окончания начальной школы, мы стали ходить за 4 км. в село Алпатьево, где находилась средняя 10-летняя школа. Пять лет я тренировал свой организм, совершая каждодневные походы в школу и обратно по просёлочной дороге, зимой на лыжах, летом на велосипеде, поэтому в спортивном отношении был подготовлен хорошо, имел юношеский разряд по лёгкой атлетике. Уже в 11-м классе легко мог толкать двухпудовую гирию 20 раз, и когда поступил в Московский авиационный институт, то, проживая в общежитии в одной комнате со старшими по возрасту студентами, поступившими в ВУЗ после службы в армии, удивил их, поднимая их 2-х пудовик. Оценив это моё выступление, они стали приходившим к нам в комнату их товарищам предлагать поднять гирию хотя бы несколько раз, говоря, что я со своей хрупкой комплекцией поднимаю её более 20 раз. Ребята не верили в это, тогда им предлагали поспорить на 3 рубля, приходящие скидывались и я выходил на середину комнаты и поднимал гирию. Потом на эти 3 рубля покупалась водка, стоившая тогда 2.87, которая распивалась вместе с проспорившими студентами.

Данный период жизни в стихах я воспел следующим образом:

Не была мне учёба в тягость,
Я всё схватывал на лету,
И считал пятёрки за благодать,
Потому что имел Мечту.
В институт поступить надеялся,
Выбрал ВУЗ для себя – МАИ,
Поступил и не разуверился,
Что сбылись все мечты мои.
В институте учился труднее
С деревенским своим багажом,
Отвечал на зачётах бледнее,
Изворачивался «ужом».
Каждый год уезжать умудрялся
В Казахстан, поднимать целину,
В институте отряд набирался,
И «хвосты» не вменялись в вину.
Зато трудно затем сдавались,
Когда мы возвращались назад,
Деканатом стипендий лишались,
Ей ведь каждый из нас был бы рад.
В очередную такую поездку
Познакомился с девушкой я,
Но судьба, должно быть в отместку,
Послала мне близняшек, друзья.
Они были тогда очень схожи,
Одевались в одно и тож,
Я считал, что Бог мне поможет

Разглядеть на кого кто похож.
Получилось, что в самом начале,
Я за Аллой приударял,
А когда мы друг друга узнали,
На сестрёнку её поменял.
Нина больше пришлась мне по нраву,
В стройотряде когда была,
Борщ «хохлятский» варила на славу,
Поварихой отменной слыла.
Я на кухне помочь ей старался -
Делал доски, точил ножи,
Как характер её показался -
руку с сердцем и предложил.
Думал так, что пока не имею
За душою своей ничего,
Неужели так просто посмею
Мимо счастья пройти своего.....?

Во время летних каникул я каждый год, начиная со второго курса, выезжал в составе студенческого строительного отряда МАИ в Казахстан,

на целинные стройки, в Джарнакский район Целиноградской области. Выезжал 4 года подряд в качестве бойца стройотряда, затем бригадира и последний раз комиссаром отряда. Там, в совхозах «Пятигорский» и имени «XX партсъезда» мы строили жилые дома, коровники и свинарники из бутового камня и шлакоблоков. Работали порой до октября месяца, начиная с мая. Это было хорошей жизненной школой, где все студенты проходили своеобразную «обкатку» жизнью, овладевали профессиями каменщика, штукатура, плотника, учились жить дружно в больших коллективах, помогать друг другу и обеспечивать дружеской поддержкой. На третьем курсе факультета «Систем управления летающих аппаратов» я познакомился с двумя сёстрами-близняшками из Чернигова (Украина). Одевались они тогда одинаково и были очень похожи друг на дружку так, что мы их с моим другом Сашей Ботвинко путали поначалу. Девчонки учились хорошо, аккуратно конспектировали все лекции, экзамены сдавали досрочно и в срок. Я же каждый год в начале мая месяца выезжал с небольшой группой стройотряда квартирьером для подготовки основного лагеря, поэтому вся летняя сессия переносилась мне на осень. Осенью, по возвращении с целины, сдавать летние экзамены было тяжело, потому что «на носу» была уже зимняя сессия, а тут «хвосты» надо подчищать... На 4-м курсе я не успел в срок рассчитаться с академическими задолженностями в срок и был отчислен из института за неуспеваемость.

Пришлось устроиться на работу в Издательство «Правда» грузчиком, работал ночью, загружал автотранспорт газетами, чтобы их развозили по точкам и газетным киоскам.

По ходатайству комитета ВЛКСМ МАИ меня восстановили на 4-й курс, я сдал все свои «хвосты» и весной вновь выехал квартирьером на целину, так как там была возможность жить в одном лагере с Ниной и встречаться там с ней. Она работала поварихой в стройотряде и готовила на 40 человек одна. Я ей помогал рубить дрова, делать разделочные доски, точить затупившиеся ножи и т.д. Кормёжка была на 28 копеек в день, конечно для нашего организма этого было недостаточно и мы стали быстро терять в весе. Чтобы пополнить свои съестные припасы, договорились с местными охотниками и выехали с ними на охоту в степь за сайгаками (степные козлы). Освеживав потом туши, три дня питались только мясом. Холодильников там не было, поэтому надо было всё съесть за 2-3 дня, чтобы не испортилось. И так поддерживали себя неоднократно.

По приезде с последней целинной стройки две сестрёнки решили выйти за нас замуж. Наши с другом Сашей избранницы решили сыграть вместе комсомольскую свадьбу. Народу набралось 120 человек, были даже фотокорреспонденты с тогдашнего известного АПН – Агентства Печати Новости, снимали материал о близнецах. Поскольку все мы были студенты, и за душой у нас не было ни копейки, кроме стипендии, на которую приходилось просто выживать, поэтому однокурсники решили нам подарки на свадьбу не дарить, а скинуться по 10 рублей на кафе. Торжественное мероприятие проходило на станции «Чкаловская» по Ярославской железной дороге, где жил Саша с родителями. Поначалу, когда ещё не было Звёздного городка, на «Чкаловской» базировались первые наши космонавты. Свадьбу то мы сыграли, а вот первую брачную ночь нам с Ниной даже негде было провести, так как свою комнату в общежитии МАИ мы уступили родителям девчонок, приехавшим из Чернигова. Я ночевал в это время у однокурсников на свободной койке, а жена в комнате у подружек. Только на четвёртый день, проводив родителей на Украину, мы стали жить вместе. В общежитии у нас с другом Сашей на старшем курсе была комнатка на два койкоместа, такая же комнатка была и у наших избранниц – 4 метра в длину и 2 в ширину, и когда мы расписались в ЗАГСе, то комендант общежития разрешил нам переехать друг к другу. Так мы стали жить парами и строить свою семью. Она строилась на уважении друг к другу, нежности, ласке, формировалось пространство любви, так необходимое для совместной жизни. До знакомства с Ниной я ни с кем не встречался, с ней дружил два года: ходили вместе в кино, на концерты, вместе выезжали на целину и готовились к экзаменам. Девчонки писали лекции очень аккуратно, занятий не пропускали, как мы порой. Поэтому перед экзаменами мы с Сашей заимствовали у них тетради с лекциями, штудировали их и писали маленькие шпаргалки. В брак мы вступили в октябре 1967 года, расписались в ЗАГСе № 1 города Москвы, а через год у нас родился сын Алексей.

В стихах про это я постарался описать так:

Свадьбу вместе сыграли нашу,
Две сестрёнки вступили в брак,
Алла вышла замуж за Сашу,
Поголял тогда 3-й фак!
Через год у нас сын родился,
Мы с женою писали диплом,
Я не помню, как дальше учился,
Вся учёба пошла кувырком.

С момента своего рождения Алёшка от постоянного крика «заработал» себе две грыжи: паховую и пупковую. Наша жизнь с женой с этого момента перестала казаться «мёдом», мы оба были неопытными и я всячески старался помогать молодой маме, поскольку она поначалу боялась даже дотрагиваться до ребёнка. Вся стирка в то время легла на мои плечи, ведь тогда не было никаких памперсов, а были пелёнки и подгузники, которые сначала надо было кипятить, а затем стирать и после обязательно проглаживать. Как сейчас помню, их тогда было по 75 штук, два больших оцинкованных бака для стирки. Через каждые два дня я кипятил эти детские принадлежности и ночью стирал, закрывшись в женской умывалке, там была горячая вода. Детские пелёнки комендант общежития разрешил нам сушить на чердаке общежитейского корпуса, доверив ключ от чердачной двери. Рождение сына совпало с началом преддипломной сессии. Конечно, для подготовки к экзаменам времени не хватало, всегда хотелось спать, лезли в голову мысли – что же я раньше, дурак, не спал, когда ещё не было ребёнка и имелась для этого такая возможность. На экзамены шёл смело, дисциплины были серьёзные: ТАР (теория автоматического регулирования); САУ (системы автоматического управления) и

другие науки. Я брал билет и с ходу садился отвечать на билет. И когда преподаватель уточнял, готов ли я отвечать, то я ему отвечал, что у меня родился сын, у него оказалось две грыжи, плачет целыми днями и я никак не могу сосредоточиться. В МАИ работали хорошие люди, послевоенной закалки, входили в мою ситуацию и в зачётку ставили «уд». Таким образом я успешно сдал всю сессию и вышел на дипломную работу, которая называлась: Стабилизация гироскопа на корабле весом 30 тонн от бортовой качки с точностью до 2-х угловых секунд». На этой платформе был расположен зенитный комплекс «Земля – Воздух» для отражения атаки самолётов противника. Диплом защитил на оценку «хорошо», ответил на все вопросы экзаменационной комиссии, «отлично не поставили потому, что курсовой проект был ранее сдан на тройку. Нина защищалась вместе со мной в один день, тема её диплома была: «Расчёт следящего привода для зенитного ракетного комплекса «Земля-Воздух», который располагался на моей платформе на корабле. Через пару часов после защиты мы в общежитии накрыли стол и вместе с однокурсниками отметили окончание института.

Распределены после окончания института мы с супругой были в подмосковный город авиаторов – Жуковский, где располагались ведущие институты страны в области создания и испытания авиационной техники: ЦАГИ—Центральный аэрогидродинамический институт и ЛИИ – Лётно исследовательский институт имени М. Громова. Но мы попали не туда, а в КБ Радиостроения, которое делало электронную начинку для головных частей ракет класса «Воздух-Воздух». По приезду на фирму нас принял руководитель предприятия, побеседовав, направил в Научно-исследовательский отдел (НИО-3), в лабораторию которого мы с супругой прибыли на следующий день. Так как у предприятия не имелось возможности предоставить нам семейное общежитие, то по распоряжению руководства фирмы нам установили повышенный оклад – 120 руб., хотя молодым специалистам вначале давали только 110 руб. Через день мы нашли себе угол в дачном месте, на окраине города Жуковского, это был домик из использованных шпал размером 4х4, с маленькой печкой и удобствами на улице. Всё было бы ничего, но у нас с женой часто слезились глаза, если долгое время находились внутри этого помещения, поскольку использованные шпалы ранее были пропитаны креозотом от гниения. Уже через год мы сняли квартиру в многоэтажном доме за 50 рублей в месяц. Денег хватало в обрез, приходилось на всём экономить, чтобы купить себе что-нибудь из одежды. В квартире мебели никакой не было, только один пружинный матрас на кирпичках. Пришлось самому сколотить импровизированный стол, тумбочку и два табурета, материал нашёл на городской свалке. Как только немного обустроились, то сразу забрали из деревни Алёшку, которого начали водить в детский садик, место в нём помог «выбить» профком. Нина сразу включилась в работу и занялась изучением различных НИРов, а сидел на прозвонке стыковочных разъёмов головных частей ракет. Работа инженера мне была не по душе, где-то через год меня избрали комсомольским секретарём НИО-3, в составе которого было более ста комсомольцев. Пришлось заниматься организацией культурных походов по Подмосковию, организацией КВН и самодеятельности, выпуском стенгазет и просветительских стендов, различными экскурсиями, выездами на уборку картошки и т.д. Являясь внештатным сотрудником местного уголовного розыска, я помогал органам правопорядка в розыске преступных элементов, дежурил вместе с дружинниками на улицах города. Летом, во время отпуска, выезжал на заработки на различные стройки в составе временной шабашной бригады, куда входили бывшие студенты-целинники, обладавшие практическими навыками строительных профессий. Пару раз выезжали в Якутию, на урановые разработки, где требовались рабочие руки, там строили общежитие, камеральное помещение, бетонные основания для мощных компрессоров здания шахтоподъёма. Первую неделю готовил пищу для бригады в 12 человек, пока поварахи не было, ребята мне доверили их кормить, так как я умел готовить и первое, и второе, и третье – научила жизнь в общежитии. Целую неделю я их поил и кормил радиоактивной водой, даже не зная об этом. Подсказали геологи, которые проходили по тайге мимо нашего лагеря и попросили попить. Я им налил

из фляги по кружке воды, которую похваливал. Они поинтересовались, откуда я её беру. Мне пришлось рассказать, что рядом с нашим лагерем я нашёл в тайге скважину, которая была закрыта деревянным щитом, из которой фонтанировала чистая и приятная на вкус вода. Геологи объяснили, что эту воду пить нельзя, так как здесь бурили пробные скважины, чтобы определить границы залежей урановой руды. Грунтовая вода, соприкасаясь с породой под давлением выходила наружу маленьким фонтанчиком через бурильную трубу в грунте. Слава Богу, что никаких последствий от приёма воды мы потом не наблюдали, потому что были молодые, ничего не боялись и надо было хотя бы чуть-чуть заработать «на поддержку штанов». Вскоре нашли повариху из местных и моя поварская практика закончилась. Заработали мы в то время за месяц по 2200 рублей, на эти деньги я купил первую мебель, которой пользуюсь и сейчас (шатурская стенка образца 1972 года).

Иду служить Отечеству

Через три года работы в КБ Радиостроения, я был рекомендован партийной организацией на работу в органы госбезопасности, как активный комсомольский вожак. Где-то около года меня негласно изучали, проверяли всю мою родословную, чтобы не было чего-либо компрометирующего. И только потом направили на медкомиссию, а затем только, после заключения о профпригодности, на мандатную комиссию, после чего командировали на учёбу на Высшие курсы КГБ СССР в город Минск. Через год учёбы в Минске, я был направлен в звании лейтенанта на работу в Раменский горотдел Управления КГБ по г. Москве и Московской области, где прослужил три года, перед тем, как перевестись в контрразведку на воздушном транспорте в тогдашний аэропорт Быково. Этот период времени, с момента рождения сына, нашёл у меня отражение в следующей стихотворной форме:

Сын родился чернявым – не рыжим,
Поначалу ужасно кричал,
Заработал себе две грыжи,
Ночью спать не за что не давал.
А тут зимняя сессия к разу:
То коллоквиум, то зачёт,
И в башку не идёт зараза
ТАР – наука, когда он орёт.
Но я сессию сдать умудрился,
Преподавателям говорил,
Что ребёнок у нас родился
И две грыжи себе получил.
Были добрые в МАИ люди,
Мне в зачётку ставили «УД»,
Я про них никогда не забуду,
Чту нелёгкий учительский труд!
Отослать пришлось сына к маме,
Где не знали проблем с молоком,
Защитили дипломы сами,
И направил нас ВУЗ прямиком
В подмосковный город Жуковский,
Встретил нас он тогда без жилья,
Было сложно в то время чертовски,
Чтоб квартиру имела семья.
Быстро «лиха фунт» мы узнали,

Год снимали угол с женой,
Пока комнатку нам не дали -
Восемь метров, метраж небольшой.
Общежитию мы были рады,
Как-никак уголок всё же свой,
Привезли нам Алёшку в «награду»,
Чтобы жить всем одной семьёй.
Проработав четыре года
Понял – здесь не моя стезя,
И решил служить я народу,
В КГБ на работу придя.
Год учился в Минске на курсах,
Рьяно грыз науки гранит,
Не последним гляделся на курсе,
Коллектив был сплошной монолит.
Относился к учёбе серьёзно -
Впереди ведь работа с людьми,
Правда, были и там курьёзы,
Службу эту попробуй, пойми?!
У чекистов строги порядки -
На «трояк» учиться нельзя,
С партбюро потом взятки-гладки,
Разберут свои же друзья.
Наконец, окончив учёбу,
Прибыл в Раменский горотдел,
Получив чекистскую робу,
С интересом на службу смотрел.
Дела принял почти что сразу -
Это был режимный объект,
Чтобы быть там «чекистским глазом»,
Выявлять «шпионский субъект».
Прослужив там три года кряду,
Получил, наконец, жильё,
Появилась в жизни отрада
Сознавать, что оно – твоё.
Перешёл затем я на службу
В наш Быковский аэропорт,
Помогла с начальником дружба,
Чему был я безмерно горд.
В коллективе освоился скоро,
Мой объект стал – ремонтный завод,
Дослужился я здесь до майора
И ушёл на 4-й год.
Захотелось сменить обстановку -
Подал рапорт я в ДРА,
КГБ со своею сноровкой
Дал понять, что же там за «дыра».

Моим объектом оперативного обслуживания в Быково стал Быковский авиаремонтный завод Гражданской авиации №402. На заводе в то время трудилось около 3,5 тысяч человек, завод ремонтировал самолёты ИЛ-18 и вертолёты МИ-8. Работа в подразделении на воздушном транспорте состояла из суточных дежурств, за которые отгулов не полагалось. Поэтому после суток приходилось ещё заниматься повседневной оперативной деятельностью. Через два года службы в аэропорту я был назначен заместителем начальника подразделения. Но душе хотелось чего-то нового, рискованного и активного.

Афганистан, проверка на прочность

В то время уже были введены наши войска в Афганистан, чтобы эта территория не превратилась бы в своеобразный плацдарм для нападения со стороны США на Советский Союз. В декабре 1980 года я написал рапорт на руководство УКГБ с просьбой направить меня для дальнейшего прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). В тот же день рапорт мой подписали, и я был направлен на медкомиссию. В начале января 1981 года я с ещё несколькими сослуживцами-добровольцами вылетел на военно-транспортном самолёте в город Кабул – столицу ДРА, в распоряжение Представительства КГБ СССР в Афганистане. Нам разрешили взять с собой ящик водки и необходимые вещи. Сначала меня планировали направить советником опергруппы афганских органов безопасности – ХАД (Служба Государственной Информации) в международный кабульский аэропорт. По прилёту нас разместили в нашей служебной гостинице квартирного типа, где вечером мы устроили небольшой сабантуй, благо выпивка у нас имелась. А так как в командировку я привёз с собой тульский баян, то без песен и обычного застольного шума не обошлось, пели до 12 часов ночи, что потом сказалося на моём назначении, и я вместо кабульского аэропорта был направлен в провинцию Кандагар советником опергруппы ХАД в аэропорту города Кандагара. В центре решили, что в столице им шумные «артисты» не нужны, пусть лучше они будут подальше от начальства.

Получив в Представительстве КГБ автомат, пистолет, патроны и гранаты, прихватив ещё с собою баян и гитару, я на армейском АН-е отправился в город Кандагар, который встретил нас 50-градусной жарой в тени, каждой клеткой ощущалась близость пустыни Регистан, откуда дул суховей, как из огнедышащей раскалённой печки. Прилетели под вечер, разгрузились и с интересом начали осматривать округу. Над взлётной полосой словно свечи пылал багровый закат. Аэропорт представлял собой современное сооружение, ранее построенное американцами. Вокруг аэродрома и вдоль трассы росли кусты олеандров с красивыми красными эфирномаслечными цветками, источавшими приторный запах, от которого начинала болеть голова, если долго им подышать. Меня встретил сотрудник кандагарской опергруппы и привёз в их место дислокации. Это были гостиничные небольшие помещения на двух человек с санузлом и кондиционером афганской авиакомпания «Ариана», выполнявший авиарейсы по маршруту: Кабул – Кандагар – Дели и обратно два раза в неделю. В кандагарскую зону ответственности входили ещё провинции: Гильменд, Забуль, Урузган и сам Кандагар. По занимаемой территории – это примерно ¼ часть Афганистана, расположенная в южной части страны. Провинции Кандагар и Забуль территориально граничили с территорией Пакистана, где располагалось гнездо афганской контрреволюции, лагеря афганских беженцев и подготовки мятежников, из которых комплектовались банды душманов. Вся южная афганская граница не охранялась, погранпосты были только на трассе Кабул – Кандагар – Кветта. Дело в том, что основное коренное население Афганистана – это пуштуны, представляющие собой традиционные кочевые племена, которые гоняют своих овец вслед за зелёной растительной пищей из Афганистана в Пакистан и обратно. Площадь Афганистана составляет 655 тысяч квадратных километров, из которых более 550 тыс. кв. км. – горы и только 17% территории используется в сельском хозяйстве, в основном, по берегам рек Гильменд и Герируд. Через всю страну протянулась горная цепь под названием Гиндукуш. На момент ввода наших войск

в ДРА, там, согласно переписи населения, значилось более 15 миллионов человек. Женщины в эту статистику не входили, так как там их за полноценных людей не считали. В основе взаимоотношений людей превалировали родоплеменные отношения. На территории страны проживало 147 национальностей и народностей и ни одна национальность так и не сложилась в нацию. В Афганистане используются два государственных языка – это дари и пушту, кроме этого, общаются ещё на урду, белуджском, таджикском, киргизском, узбекском, казахском, хинди и других языках. По численности населения на территории страны проживало 12 миллионов пуштунов, около 2 миллионов таджиков, примерно 1 млн. узбеков, полмиллиона хазарейцев и остальных народностей. Представители среднеазиатских республик оказались там во время гражданской войны с басмачеством в республиках Средней Азии.

«Прописавшись» в кандагарской опергруппе, я приступил к исполнению своих служебных обязанностей советника органов ХАД в аэропорту по обеспечению безопасности полётов самолётов авиакомпании «Ариана». В то время эта компания выполняла в неделю несколько рейсов по маршруту : Кабул – Кандагар – Дели. Основная оперативная работа хадовцев, кроме агентурного прикрытия аэропорта, заключалась в обеспечении надлежащего досмотра, вещей и самих пассажиров, что с учётом соблюдения исламских традиций и обычаев осуществлять было крайне сложно. Теракты и диверсии в то время в Кандагаре происходили часто. На работу в Провинциальное Управление контрразведки мы добирались на БТР-ах 70 бригады ОМСБ, которая дислоцировалась в пригороде Кандагара, задача которой заключалась в охране аэродрома и зачистке от душманов близлежащих кишлаков и территорий. Через несколько месяцев моей службы в качестве советника подразделения ХАД на воздушном транспорте, я, будучи в звании майора, был назначен временно исполняющим обязанности руководителя «зоны Юг», куда входили провинции: Кандагар, Гильменд, Забуль и Урузган. Зонального руководителя в то время перевели в Кабул освобождённым секретарём парткома Представительства КГБ СССР в ДРА. Ко мне в подчинение попали три наших полковника и отряд спецназначения – «Каскад», во главе с бывшим моим начальником по Московскому УКГБ – полковником Алейниковым Анатолием Аввакумовичем – прекрасным, честным и справедливым офицером-чекистом. Первый раз моё приглашение на оперативное совещание старшие господа-офицеры, кроме Алейникова, проигнорировали и не явились из-за личной обиды, что руководителем назначили ни кого-то из них, а младшего по званию офицера. Пришлось проявить строгость в условиях военного времени, и всё встало на свои места. Потом со всеми у меня сложились очень хорошие дружеские отношения, поскольку на войне нельзя по-другому, без соответствующей опоры друг на друга, расплата происходит жизнью. Ведь авторитет заслужить надо делами, а не званием и должностью, что я и выразил в поэтической форме:

Когда на должность назначают,
И выделяют кабинет,
Это совсем не означает,
Что сядет там авторитет.
Лишь тот заслужит уважение,
Почёт, признательность людей,
Кто профпригоден поведением
И компетентностью своей.
Тогда не надо понапрасну
Высоким званием козырять,
Не нужно голос делать властным,
Чтобы приказы отдавать.
Во всех делах скорей поможет
Заслуженный авторитет,

И подчинённые не скажут
При обращении слова «нет»,
А постараются исполнить
Любую просьбу и приказ
Из уважения к руководству
И потому, что любят вас!

В должности и.о. я проработал где-то месяцев семь, пару раз вместе с руководителями опергрупп провинций ездил на доклад к командующему 40-ой Армией – легендарному маршалу Советского Союза – Соколову. Обсуждали повышение эффективности действий подразделений СА против подрывной деятельности бандгрупп. Однажды, в воскресенье, я с несколькими сотрудниками опергруппы выехал на БТР-е в расположение спецотряда «Каскад», в так называемый городок ООН, который ещё в мирное время построили американцы, как и аэропорт. Необходимо было обменяться развединформацией, перепроверить её, чтобы дать шифртелеграмму в Кабул о складывающейся обстановке в Кандагарской зоне ответственности. Побеседовав с командиром «Каскада», мы попили чаю и собрались возвращаться в зону аэродрома, где находилась наша группа. Командир для сопровождения выделил нам свой БТР с несколькими сотрудниками, которые поехали в аэропортовский магазин за продуктами питания. Аэропорт от городка ООН располагался в 17 км. по шоссейной дороге. Я устроился на заднем сидении нашего БТР-а и начал писать шифровку в Кабул, так как приближалось время для связи с Центром. Мы уже подъезжали к зоне охраны аэродрома, когда БТР «Каскада», обогнав нас, устремился в сторону видневшегося аэропорта. Где-то недалеко от дороги, укрытой зарослями олеандров послышались автоматные очереди, я заметил сидящему рядом с водителем сотруднику, чтобы тот внимательно следил за дорогой. В этот момент у водителя под сиденьем произошёл сильный хлопок и мы подумали, что это граната из РПГ попала в машину под сиденьем водителя. Водитель был молодой парень узбек из нового пополнения, у которого ещё за спиной не было боевого опыта. От вспышки под сиденьем и возникшего страха он покинул своё место и через открытый люк спрыгнул в кювет. БТР без управления по инерции въехал на впереди стоящий мост, сбил боковое ограждение и стал падать вниз, в камышовые заросли высохшего арыка. Высота была метра 4. Не помню как я с автоматом и офицерской сумкой в руке оказался один на броне. Всё происходило как в замедленной съёмке и я успел перешагнуть с падающего вниз БТР-а прямо на мост. Краем глаза я заметил, что из люка показалась голова сержанта-пограничника Анатолия Мазнева, который ростом был 185 см. Всё происходило какие-то мгновения, БТР вместе с людьми упал на каменистое дно, ударился боком о грунт и лёг на пулемётную башню КПВТ, которая возвышалась сантиметров на 30 от корпуса. В это время бойцу сломало, очевидно, позвоночник и он не переставая кричал слово «мама». Колёса БТР-а ещё крутились, когда я к нему подбежал и стал машинально толкать руками, чтобы как-то приподнять эту махину и вытащить сержанта. Из броника в это время вылезали побитые и ошарашенные произошедшим сотрудники. Быстро заняли круговую оборону и начали обстреливать камыши. Чтобы не допустить невидимых душманов на бросок гранаты, я крикнул, чтобы двое сотрудников вместе со мной сделали бросок на метров 10 вперёд. Когда я упал на землю после пробежки, то увидел, что рядом со мной лежит шифровальщик опергруппы Валерий Волков и прапорщик-хозяйственник – Игорь, остальные же чекисты забились в огромную водосточную трубу под мостом. У Волкова при падении были раздавлены очки, а без них он видел плохо, прапорщик вообще был без оружия. Дав команду шифровальщику, чтобы он бросил прапорщику свой пистолет, мы с ним дали несколько коротких очередей по камышам и услышали стрельбу из КПВТ БТР-а «Каскада», который вернулся назад, увидев, что нас сзади нет. Очередь крупнокалиберного пулемёта срезала камыши над нашими головами и чтобы не быть убитыми, я на свой страх и риск вскочил на ноги и повернувшись

в сторону БТР-а поднял автомат над головой, показывая этим самым, что здесь свои. Слава Богу, наводчик КПВТ вовремя заметил меня. Подбежав к бронемашине, я попросил водителя спуститься вниз, где кверху колёсами лежит наш упавший БТР и носом подтолкнуть его, чтобы приподнять башню, которая придавила бойца. Водитель в спешке не отцентровал машину и поэтому развернул такую махину, окончательно раздавив бойца. Когда мы его достали из-под брони он уже был мёртв, это было первой потерей нашей опергруппы. Как оказалось потом при расследовании инцидента со смертельным исходом, под сиденье водителю с боковой полки БТР-а из-за тряски по рытвинам и ухабам изуродованной взрывами дороги, упала распакованная осветительная ракета, у которой болтался пусковой шнур. Этот шнур зацепился за ободранную спинку сиденья водителя и когда сиденье спружинило на очередном ухабе, ракета сработала под сиденьем водителя. Создалось впечатление, что туда, сбоку попала граната от ручного душманского РПГ. Таким образом, в результате непредвиденной случайности, мы потеряли одного пограничника из охраны шифроргана зональной опергруппы. Было установлено, что эту злополучную ракету принёс сам сержант и положил на полочку рядом с водителем, чтобы вечером в расположении группы запустить её в качестве фейерверка. Через два дня останки сержанта забрал военный АН-12.

Вскоре я был отозван из Кандагара в Кабул, в оперативный Центр, где получил назначение советником в опергруппу ХАД, занимающуюся контрразведывательным обеспечением Кабульского международного аэропорта. На территории аэродрома базировались кроме самолётов гражданской авиации наши и афганские ВВС. Коллектив меня принял нормально. Там я познакомился с будущим моим другом Лёней Мальцевым, ныне также генералом СВР в отставке, который в Афганистану отдал более 5 лет. Он хорошо владел персидским и английским языками, был очень компанейским и коммуникабельным товарищем, как и положено быть представителю разведки. У него за спиной было 4 курса Тбилисской музыкальной консерватории и он играл практически на всех кнопочных и клавишных музыкальных инструментах. С ним я быстро нашёл общий язык, и мы вместе по-очереди играли с на баяне, когда наши сотрудники отмечали получение боевых наград или очередных воинских званий. Нам в этом помогали наши боевые друзья: Алик Оруджев из Баку и Анатолий Юзбашьян из Москвы, подыгрывая на гитаре и маракасах.

Оперативная работа в кабульском аэропорту шла своим чередом – встречали иностранных гостей, наших высокопоставленных чиновников, генералов различных мастей, обеспечивали безопасность перелёта Первого секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана – Бабрака Кармаля, торжественно открывали мост через Аму-Дарью в порту Хайратон и осуществляли другие оперативные мероприятия в городе, в котором действовал комендантский час.

До поры до времени всё шло хорошо, пока ко мне в Кабул не прилетела на 3 месяца моя супруга. Сын остался с бабушкой и начал «бузить», перестал её слушаться, стал делать всё назло, потому что не было дома ни папы, ни мамы, связался с местной шпаной и домой к бабушке стал приходить участковый милиционер. Алёшка учился тогда в 7 классе и таким образом протестовал против отсутствия дома родителей. Нине пришлось срочно возвращаться в Москву и через месяц она стала звать домой и меня, так как не могла справиться с сыном. С письмом от бабушки и жены я пошёл на приём к Руководителю Представительства КГБ СССР – генералу Чучукину Владимиру Александровичу, который знал меня ещё по Кандагару, куда прилетал с инспекцией. Он вошёл в ситуацию и сказал, что здесь могут обойтись без меня, а вот сыну в таком возрасте требуется мужская рука. Уже на следующий день, отслужив в ДРА полтора года, я вылетел военным бортом в Союз. По прилёту домой, меня пригласили в центральный аппарат кадров и предложили продолжить службу в аппарате кадров с хорошей перспективой, на что я ответил категорическим отказом, поскольку меня всегда тянуло на живую оперативную работу, опером в душе я продолжаю оставаться и сейчас.

Освоение персидского языка

Тогда в кадрах мне предложили пойти учиться на высшие 2-х годичные курсы персидского языка, чтобы после их окончания вновь вернуться в Афганистан. Я без колебаний согласился с этим предложением и был направлен в качестве помощника Начальника курса на Большой Кисельный переулок, где в то время располагались курсы. После окончания данных курсов мы получали полновесный диплом об окончании Высшей школы КГБ СССР по специальности: офицер с высшим специальным образованием и со знанием персидского языка.

Для всех нас – тогдашних офицеров-оперативников, пришедших на эти курсы с руководящих должностей в возрасте до 40 лет (мне было 41) постижение восточного языка было новинку, особенно не давалось письмо: справа-налево. Для формирования убедительной мотивации по освоению персидского языка, нам довели до сведения, что работать с местным населением мы будем напрямую, без переводчиков и чтобы просто выжить в таких условиях, надо хорошо знать язык, Коран, традиции, обычаи страны и её историю. Предупредили всех сразу, что в органах государственной безопасности учиться на три балла нельзя, поскольку Родину на «тройку» не охраняют.

По учебному расписанию язык у нас был 8 часов в день, помимо других специальных дисциплин. На каждые 5 человек был закреплён один преподаватель по языку, четыре часа мы занимались утром с преподавателем, затем, после обеда, четыре часа была языковая самоподготовка в казарме, а вечером ещё прихватывали время и дома. Письмо давалось тяжело, сказывались стереотипы. Персидские слова состояли, в основном, из согласных букв, гласные буквы между ними не указывались и чтобы правильно прочесть это слово, надо было просто его знать, что оно означает.

Преподаватель нам попался молодой, окончил МГУ и после окончания уже побывал в качестве переводчика в подразделениях 40-ой Армии два года, войну уже повидал реально. Человек был очень ответственный и требовательный, серьёзно относился к порученному делу, что позволило ему заложить в нас хорошие основы и мы через полгода уже могли писать на фарси (персидский язык). На занятиях задействованы были все, нарабатывали практику разговорной речи при общении. Учёба проходила в игровой манере, как у детей, так легче шло усвоение языка и не надоедало. В специально оборудованном классе демонстрировались иранские фильмы на фарси и мы должны были учиться делать синхронный перевод, улавливая смысл произносимых фраз. Сначала было трудновато, но потом постепенно освоились, поскольку были движимы личным интересом и искренним желанием освоить персидский язык. Однажды наш молодой преподаватель спросил нас: «А не хотели бы мы выпить по кружечке пивка?» На что мы ему заметили, что так шутить со старшими по возрасту, находящимися на казарменном положении, просто неприлично. Он сказал что не шутит и что для этого надо каждому слушателю подготовить небольшую экскурсионную программу на языке фарси по павильонам ВДНХ, а потом можно будет и по кружке пива выпить. Мы предложение с удовольствием приняли, и каждому он поручил свой выставочный павильон. Вечером и ночью, находясь дома, мы заучивали наизусть краткий экскурсионный текст. Преподавателя мы не подвели и провели экскурсии на оценку «отлично», только потом зашли в бар и, как договаривались, выпили по кружке пива.

Примерно месяцев через восемь после интенсивной учёбы, нам на каждый день давали задание освоить (а не заучивать наизусть) по 40 новых слов, чтобы придя утром на занятия, мы могли бы рассказать небольшой рассказ с использованием этих слов на любую тему. После такой проработки слов, они оставались в памяти надолго, поскольку это способствовало развитию смысловому виду памяти.

Вторая командировка в ДРА

Два года пролетело незаметно, при выпуске более 50% слушателей получили дипломы с отличием об окончании полного курса Высшей школы КГБ СССР. После чего нас 11 человек на полгода откомандировали в Ташкент для обучения молодых сотрудников афганских органов безопасности азам контрразведки. Там мы «шлифовали» знания языка фарси, постепенно переходя на язык «дари» – один из государственных языков Афганистана, родственный персидскому языку. Работали в качестве переводчиков у местных преподавателей контрразведывательных дисциплин. По возвращении из Ташкента я был направлен на несколько месяцев на стажировку в «лес», в органы советской разведки, после прохождения которой был откомандирован в Кандагарскую зону ответственности – провинцию Забуль, в провинциальный центр – город Калат, самую неблагоприятную провинцию с точки зрения действия активных бандгрупп различной контрреволюционной направленности (Гульбеддина, Моджадедди, Раббани, Гейлани и других).

Прилетев в Кабул, я обнаружил, что в парткоме Представительства КГБ меня ожидает мой баян, оставленный ребятам при моём отлёте в Союз по окончании срока первой командировки. Около представительства я встретил своего друга Лёню Мальцева, который находился там уже 5-ый год, чему был безмерно рад. Естественно на следующий день мы с ним отметили нашу встречу, он находился в Кабуле с женой и грудным ребёнком Катей, которую я потом тайно крестил в горах Грузии, когда приезжал к нему во время очередного отпуска в Тбилиси, где они тогда с женой и детьми проживали.

Через пару дней я с афганскими вертолётчиками перевозившими отловленных в других провинциях новобранцев, убыл в провинцию Забуль вместе с баяном и гитарой. По прилёте меня никто из сотрудников опергруппы не встретил, поскольку их никто не предупредил, так как я летел не советским бортом, а афганским. Согласно полученной шифровке они ожидали меня – нового командира оперативной группы провинции Забуль и Главного советника Начальника Управления провинциальной контрразведки, только на следующий день. Я должен был сначала на представительском самолёте АН-24 прилететь в Кандагар, а затем уже, с оказией, прибыть на советских вертушках в Забуль.

Через территорию провинции проходила основная шоссейная дорога Кабул – Кандагар. Город Калат находился от Кандагара в 120 км. Маршрут полёта проходил по территории, контролируемой мятежниками и зачастую в горной местности вертушки обстреливались душманами из ДШК, эти крупнокалиберные пулемёты они скрывали в углублениях и в пещерах гор, поэтому с воздуха их было не видно. Подъехавший случайно на импровизированную вертолётную площадку советник отдела Царандоя (МВД) по борьбе с бандитизмом – Ковалёв Валерий, осведомился у меня, куда это я со своей музыкой приехал, на что я ему представился, как положено, и попросил доставить меня в опергруппу КГБ, что он и сделал через десять минут, сказав, что меня в опергруппе ждут только завтра и для ребят это будет сюрприз. Зайдя во двор расположения опергруппы, огороженным саманным высоким дувалом, я учуял запах выгоняемой самогонки. В это время ко мне в одних плавках подошёл сотрудник, представившийся шифровальщиком группы. Узнав, что я новый командир группы, он очень смутился, но я сказал, чтобы процесс он не прекращал и по тревоге собрал личный состав. Сотрудники находились в 300-х метрах от места дислокации опергруппы в провинциальном Управлении афганских органов госбезопасности (ХАД), так как было ещё утро. Вскоре по тревоге прибыли сотрудники, кого-то я уже знал по курсам персидского языка в Москве, с другими познакомился.

«Прописавшись» в коллективе, я приступил к исполнению своих обязанностей. Сотрудники мне объяснили, что примерно раз в месяц для профилактических медицинских целей каждый из коллективов, находящихся в Забуле советников, гонит самогон. Аппарат был один на всех наших: оперточка военной разведки 40 Армии, их было вместе с переводчиками и

солдатами охраны шифроргана 10 человек, группа советников Царандоя (местной милиции) из МВД – 9 человек, ещё партийный советник, комсомольский советник, советник по военкомату и наши чекисты вместе с шифровальщиком и охраной шифроргана – 8 человек. Гнал самогон сначала партсоветник вместе с комсомольцем и военкомом, они проживали в одном помещении, затем мы, после нас грушники и советники по борьбе с бандитизмом замыкали эту цепочку. Вся небольшая колония россиян жила дружно, в установлении дружеских отношений помогла музыка – песни военных лет. Свой ансамбль мы назвали «Тихий ужас». У нас был баян, гитара, фисгармония, самодельный контрабас или тумбафон, ударный инструмент из пустых картонных коробок и маракасы (пустые пивные банки с сухим горохом).

Название ансамбля «Тихий ужас» целиком отражало ту обстановку, в которой мы жили, потому что с завидной периодичностью место расположения опергруппы два раза в неделю подвергалось ракетному обстрелу с расстояния 5-6 километров из реактивных миномётов, которые поставлял мятежникам Китай. Ракеты были старые, с начинкой из белого фосфора, который загорался от соприкосновения с воздухом и горела при обстрелах даже земля. Гореть у нас было нечему, так как строение было глинобитным. В Афганистане нет лесов, поэтому дрова там очень дорогие, их привозят издалека и продают на вес, как овощи и фрукты. Дома в сельской местности там не отапливаются, посередине типичной жилой комнаты находится небольшое углубление в земле, в котором разводят небольшой огонь, затем, когда дрова обуглятся, вся семья садится вокруг этой ямки с тлеющими углями и укрывают ноги одеялом, чтобы согреться. А для того, чтобы не угореть, в крыше есть отверстие, через которое уходит угарный газ и поступает свежий воздух. Однажды, вокруг нашего глинобитного домика после очередного артобстрела мы насчитали около двухсот хвостовых частей от разорвавшихся реактивных снарядов, земля горела вокруг, но в строение не попало ни одной ракеты, у нас там висела икона Казанской Божьей матери. Следует заметить, что на войне атеистов нет, когда обстановка заставляет вжиматься в землю, то, кроме как к Всевышнему, обратиться больше было не к кому. Обычно ракетное нападение осуществлялось с трёх сторон с использованием корректировщиков огня, находящихся в самом провинциальном центре, которые поддерживали связь с артиллеристами с помощью японских радиостанций «Уоки токи». В тот раз в целях безопасности мы залезли в погреб – обычную яму в грунте накрытую сверху плетнём, обмазанным глиной. От прямого попадания такое убежище не спасало, но от осколков укрывало, как и любая воронка. На тот момент у нас в импровизированном погребе хранилось и ожидало своего часа четыре ящика перебродившего виноградного сока, градусов 6-8, который мы берегли к праздникам и дням рождения, так как сок можно было налить и солдатам охраны, чтобы они в праздники не чувствовали себя ущемлёнными.

Русский воин в любой обстановке не теряет своего самообладания и силу духа, так и здесь, при обстреле. Минут через 10 после сидения в этом погребе, ребята мне заметили, что мол, достаточно одной ракеты, чтобы погибла вся группа, так и не попробовав молодого виноградного вина. Я дал команду сержанту, чтобы при очередной перезарядки реактивного миномёта, когда 3-4 минуты будет пауза, чтобы он быстро принёс кружки, штопор и баян в погреб. Сержант обернулся быстро и мы приступили к поглощению молодого вина под разрывы лежащих рядом ракет. Когда один ящик опустел, я попросил радиста-шифровальщика настроить переносную радиостанцию на частоту наших советнических групп и по громкой связи объявил, что в память Лидии Руслановой исполняется песня «Окрасился месяц багрянцем». Нам уже стало веселее и, не думая о возможной гибели, мы во всю глотку орали эту песню под баян, потом исполнили песню В.Высоцкого «Охота на волков» и «Если друг оказался вдруг...». Таким образом, мы поддерживали дух наших советских участников необъявленной войны, которые слышали всё это по своим рациям.

Как-то, в один из выходных дней, сотрудники опергруппы поехали к военным разведчикам поиграть в волейбол, у тех была оборудована волейбольная площадка с настоящей волей-

больной сеткой и мячом. Я с азербайджанцем Элшатом остался в расположении группы. Он читал книгу, находясь в помещении, укрывшись там от горячего полуденного солнца, а я, сидя на крыльце в тени натянутого тормозного парашюта, колот гранатой Ф-1 без взрывателя миндальные орешки. В этот момент начался ракетный обстрел вне расписания, и я услышал звук пролетающей ракеты. Тут в дверях появился Элшат и убедил меня зайти в помещение, на всякий случай, под защиту толстых глинобитных стен. Только я зашёл внутрь, как ровно в то место, где я сидел, попала ракета, а это до 10 кг. взрывчатки. Раздался оглушительный взрыв, буквально в трёх метрах от нас, отделённый глинобитной стеной, которая и приняла на себя ударную волну и весь град осколков, выбив при этом окно и входную дверь. Благодаря своей вязкой глиняной структуре, стена не разрушилась, но взрывной волной нас с Элшатом контузило так, что на всё время потом остался дефект слуха. По окончании обстрела вернулись сотрудники от грушников, думая, что я погиб, так как им было видно, что ракета попала в крыльцо, где я сидел, когда они уезжали играть в волейбол. Пришлось «отметить восхождение», пожертвовав с Элшатом на группу две бутылки водки из личных записок, которые мы оставили на предстоящий праздник.

Работа шла своим чередом, готовились и осуществлялись специальные агентурные акции по моральному разложению банддвижения в глазах афганского населения, по компрометации бандглаварей непримиримых контрреволюционных групп, по склонению руководителей банд к сотрудничеству с народной властью, по уничтожению караванов с оружием, направляющихся с территории соседнего Пакистана, приобреталась нужная агентура из местного населения, создавались лжебанды для выполнения специфических задач, проводилась пропагандистская работа среди местного населения, передавался молодым сотрудникам ХАДа практический опыт ведения контрразведывательной работы и многое другое.

Долгожданный «дембель»

«...Никто не знает, как бывает тяжело,
Никто не может многое из памяти стереть,
И почему так дороги береты и тельняшки,
И молча, по глотку из фляжки за тех, кого уж рядом с нами нет!».....

И вот, наконец, приходит долгожданный приказ об окончании служебной командировки. Ведро самогона на предстоящие провода уже было заготовлено с различными ароматическими добавками. На «отходняк» приехали друзья грушники, советники Царандоя, хадовцы и мы дружно отметили моё предстоящее возвращение на Родину. Где-то около 5 часов утра охрана шифроргана услышала шум вертушек, мы быстро вскочили, на ходу оделись и, прыгнув в открытый УАЗ, рванули на вертолётную площадку, располагавшуюся примерно в 2-х км. от места дислокации опергруппы, на окраине провинциального центра. Только спустились с горки, где проживали и проехали всего метров 300, как у меня внутри возникло острое чувство тревоги, которое я ощущал каждой своей клеткой, и я буквально автоматически резко заставил сотрудника, сидевшего за рулём, свернуть с трассы на целину, чтобы сократить в половину путь до вертолёта и продолжить движение по канавам и ухабам к неудовольствию сидевших рядом с большими головами сотрудников. Только мы успели подъехать, как приземлилась одна вертушка, другая, прикрывая мою посадку, барражировала в воздухе. Помахав мне на прощание руками, мои чекисты поехали по их приглашению к грушникам, чтобы там поднять тост за мой благополучный отъезд. Минут через 50, когда я уже был в расположении батальона 70-ой ОМСБ, туда пришла радиограмма от грушников, что на дороге, с которой я приказал свернуть, подорвался на итальянской противотранспортной мине местный трактор с прицепом, в кото-

ром сидели шестеро детишек. Вот чем обернулась афганская месть! Действительно – «Восток дело тонкое»!

Из батальона, также отметив свой «дембель» со спецназовцами, я убыл в Кандагар, а оттуда уже с военным бортом вылетел в Кабул, где встретился с друзьями, оформил проездные документы, поприсутствовал на парткоме, где в моём присутствии мне утверждалась итоговая характеристика о пребывании в служебной командировке, касающаяся моих личных и деловых качеств в условиях работы за рубежом. В характеристике должны были отмечаться все мои положительные и отрицательные качества. В отрицательные качества мне записали, что я слишком добрый к афганцам, на что я ответил, что последние лично мне ничего плохого не сделали, что это мы принесли в их страну войну, а в отношении доброты заметил членам парткома, что доброта не относится к отрицательным качествам и что надо различать беспринципную доброту, граничащую с предательством и доброжелательность к людям, которой я и обладаю. Но уважаемые члены сказали, что Москва там сама разберётся и оставили всё так, как было написано. Посидев после заседания Парткома «за рюмкой чая», я на следующий день утром вылетел на нашем Ил-76 в Союз, где продолжились мои дальнейшие приключения.

Начиная с прибытия в Демократическую Республику Афганистан, весь изложенный период времени в своей «поэме» я изложил следующим образом:

По провинциям нас раскидали,
Побавился сразу пыл,
В Кандагар, мы в Посольстве узнали,
Направление я получил.
Сборы были в то время недолги:
Расписался за АКС,
Две гранаты, «Макаров», патроны,
В чемодан этот груз еле влез.
Ещё вёз я тогда с собою
Мой старинный тульский баян,
Полюбил его всей душой,
Помогал исправлять он изъян,
Что в душе проявлялся за пьянкой
От родного дома вдали,
И пытались «убить» друзья ханкой
Грусть под сердцем родной земли.
В Кандагар прилетели под вечер,
Разгрузили армейский Ан,
И горел закат словно свечи
Над пустынею Регистан.
Та жара может только присниться,
Оставалось читать Псалтырь,
К БТР-у не прислониться -
На руке появлялся волдырь!
Кто-то может сказать – это «утка»,
Тот, кто не был в пустыне днём,
58 в тени – не шутка,
Пышит словно из печки огнём.
От жары мы ходили как спьяну,
Жили в боксах по два, где по три.
Нам кампания «Ариана»

Апартаменты сдавала свои.
Каждый день на работу в город
Отправлялись мы на броне,
И убить нас могли очень скоро
В не объявленной этой войне.
От Кандагара до аэропорта
Всего было 17 вёрст,
Вдоль дороги с названием «чёртовой»
Олеандры цвели в полный рост
Трасса та была под контролем
Кандагарских душманских банд,
Каждый знал из нас свою долю,
Только Бог был жизни гарант.
На дороге рвались БМП-ешки,
Под обстрел попадали авто,
Но мы ездили там без спешки,
Страху был не подвержен никто.
Потому что с судьбой смирились,
Отчий дом вспоминали, семью,
Воевать в ДРА учились
Так, чтоб жизнь сохранить свою.
Отмечали и там дни рождения,
Пели песни под тульский баян,
Пили много, но к удивлению
Не бывал никто из нас пьян.
Ежедневно жили на нервах,
То подрыв, то шальной снаряд,
Но ведь кто-то должен быть первым
Из отряда наших ребят?
И им стал сержант-пограничник,
Службы срок выходил его,
Толя Мазнев – сержант-отличник,
Дожил там до конца своего!
Погубила бойца служба эта -
В БТР-е на полном ходу
Осветительная ракета
Взорвалась вдруг на нашу беду.
БТР водитель покинул,
Мы упали в машине с моста,
Видно дьявол тогда искуситель
Испытал нас, не чтивших Христа!
БТР-ом сержант был раздавлен
И погиб у ребят на глазах,
В тот момент все мы были подавлены,
И стояли над талом в слезах.
В плащ-палатку его завернули,
Привезли в наш «родимый аул»,
Через пару часов помянули,
Отстучав шифровку в Кабул.

Три дня труп не могли отправить -
Самолёт ждали «Чёрный тюльпан»,
Чтоб в Союз с телом гроб доставить,
Но его взял армейский Ан.
После этого я проработал
в Кандагаре месяцев пять,
Проявили тут кадры «заботу»,
И пришлось место службы менять.
Я в афганскую прибыл столицу,
Чтоб работать в органах ХАД,
Встретил много своих сослуживцев,
Смене климата был очень рад.
Безопасность аэропорта
Возлагалась на группу ХАД -
Провожать Бобрака с эскортом,
Для гостей готовить парад.
Сходу влез я тогда в работу,
Приобрёл в Кабуле друзей,
На себе ощутил их заботу
При устройстве там жизни своей.
Юзбашан, Оруджев и Мальцев -
Мы дружили тогда вчетвером,
Уставали у нас с Лёней пальцы
От игры на баяне вдвоём.
К сабантуям готовились чётко,
Закупали афганской «жратвы»,
Мальцев песни нам пел под водку,
Где уж там виртуозы Москвы!
Он учился в консерватории
И играл на чём только мог,
В этой нашей афганской истории
Был для нас «музыкальный бог».
Брал Оруджев Алик гитару,
Я садился за тумбофон,
Юзбашан – маракасов пару,
Мальцев задавал на баяне тон.
Редким пользовались мы успехом
У чекистов – коллег своих,
Для веселья и ради потехи
Приглашали нас всех четверых,
Когда звания обмывали
Или должность кто получал,
До утра мы тогда гуляли,
И в Кабуле баян звучал.
А однажды с баяном вместе
Прибыл я к Бабраку во дворец,
И вот в этом царственном месте
Дал охране концерт под конец.
Мы вначале попарились в бане,

Ели, пили на серебре,
Хорошо там жилось в охране
На далёкой чужой стороне.
Пели песни: Платочек, Катюшу
И про месяц – багряный цвет,
Эти песни гвардейцы их слушали,
А мы Родине слали привет.
Враз тоска заполняла сердце,
Каждый думал – зачем он тут?
Словно рану сыпали перцем,
Сознавая, а вдруг убьют?
Но Бог милостив оказался, Через месяц уехал я,
Слушать мать тогда сын отказался,
Позвала меня срочно семья.
За период командировки
Ко всему я в Афгане привык,
За свою был направлен сноровку
Изучать я персидский язык.
Правда дался он мне не сразу -
Сорок лет – это вам не пустяк,
И зубрил его я , «заразу»
Не освоив письма никак.
Они пишут все через ж–у,
Справа-влево, наоборот,
Соли пуд мне пришлось тогда слопать,
Чтоб читал и писал через год!
Курсы кончил я на пятёрки,
И уехал на время в Ташкент,
Где с афганцами на задворках
Проводили эксперимент.
Их учили азам контрразведки,
Чтоб наш опыт смогли перенять,
Это было удачей редкой
Их язык там отшлифовать.
В марте 85-го года
Полетел второй раз я в Афган,
Получив назначение сходу
В зону южную – Кандагар.
Недалёко от бывшей столицы
Была область с названием Забуль,
Это маленькая провинция-
Головная для сил наших боль.
На границе с самим Пакистаном
Нам пришлось выполнять приказ,
Семь маршрутов путей караванных
Чрез Забуль проходили в тот раз.
Та граница не охранялась,
По традиции этих стран -
Племена кочевые слонялись

С Пакистана в Афганистан.
И везли оружие потоком,
Чтобы банды душманов снабдить,
Мы разведку вели ненароком,
Караваны пытаясь бомбить.
Разлагали банды морально,
Меж собою стараясь столкнуть,
Главарей вербовали буквально,
Наставляя на истинный путь.
Полтора банд на округу
Возле трассы Кабул-Кандагар,
Оказали медвежью услугу,
Сделав склад в кишлаке «Сурхаган».
Это место – сплошное ущелье,
Да! Смекалка у них была!
Другой склад в кишлаке «Апушелла»
Возглавлял моджахед Абдулла.
Постоянно два раза в неделю
Нас обстреливали из «Катюш»,
Мы в Китай передать их успели,
Когда было родство наших душ.
Но к обстрелам таким мы привыкли,
Под разрывы пили вино,
И с возможной гибелью свыклись,
Было нам в те поры всё равно.
Отбивались от банд спокойно,
Смерть свою могли встретить спокойно,
Подготовив себя над подрыв.
Всех советников было в то время
Двадцать восемь лишь человек,
Не объявленной войны бремя
Мы несли, не смыкая век.
Группа ГРУ, Спецотдел Царандоя,
Мы – советники органов ХАД,
И гражданских советников трое -
Два партийных и военкомат.
Жили дружно, не так как другие -
Собирались одной семьей,
Под баян пели песни родные,
Вспоминая детей с женой.
Был ансамбль у нас – «Тихий ужас»
Все играли, кто мог на чём,
Выживать помогала дружба,
Подкрепляемая первачом.
Аппарат был один на всех наших,
Гнали в месяц примерно раз,
На жаре быстро квасилась бражка,
А потом шесть часов гналась.
Выгонялось ведро самогонки,

Очищался напиток затем,
Чтоб болезнь не имела силёнки,
Наливал пред едою я всем.
А болезни там были такие:
Тиф брюшной, гепатит А и Б,
С ним амёбная дизентерия
Каждый раз угрожала тебе.
Без врачей жили – сами медбратья,
Все болезни для нас нипочём,
Для ребят был как-будто бы мать я,
И лечил их одним первачом.
Слава Богу! Все были здоровы,
Ели фрукты, как на убой,
Как то раз надавил вина Вова,
Виноград рос в саду у нас свой.
Чтоб успешно бороться с жарою -
Стали строить бассейн в саду,
Ежедневно, дружной толпою
Рыть выстраивались в череду.
Получился он шесть на четыре
И три метра почти глубиной,
Мы камнями его обложили,
И наполнили свежей водой.
Полоскались как малые дети
Всё свободное время в воде,
Обо всём забывая на свете,
Не притрагиваясь к еде.
Но война грохотала стабильно,
То обстрел, то, глядишь, теракт,
Только раз зашла группа мобильная,
А других больше не было – факт!
Но однажды авторитеты
В опергруппу к нам забрели,
Старики попросили совета,
Чтобы мирно им жить помогли.
Я беседовал с ними спокойно
На родном языке «дари»,
И отнёсся довольно достойно,
Всё ж вожди, что не говори.
Договор подписали споро
Тридцать пять кишлаков зараз,
Свой район охранять они вскоре
Сами начали в первый раз.
Мы за это их не бомбили,
Так как трассу они стерегли,
Хотя сами душманами были
И на нас нападать могли.
По соседству войска не стояли,
Горы были вокруг сплошняком,

Мы приказ КГБ выполняли,
Оборону держа кругом.
Вели смело переговоры
С представителями крупных банд,
Понимая, что все уговоры
Не представят нам мира гарант.
Они брать нас живьём опасались,
Норовя при обстрелах убить,
Авиации сильно боялись,
Те могли кишлаки разбомбить.
Со спецназом мы жили дружно,
Я летал к ним с баяном в часть,
Награждённых поздравить ведь нужно,
И частушки им спеть прямо в масть.
Их комбат за мной на вертушке
Прилетал к нам в кишлак и не раз,
Пели мы для него частушки
Так, что слёзы катились из глаз.
Я «набил» на них свою руку,
Бил не в бровь ими – прямо в глаз,
Разгонял в коллективе скуку,
Когда банды долбили нас.
А однажды, на День Победы,
На душманском базаре спел,
На три буквы послал все беды
И в открытый УАЗ-ик сел.
Про «Удачу» я пел сначала,
Мой водитель от страха вспотел,
Но мне этого было мало,
Я ещё про поручика спел.
Стало тихо, наверное очень
Мы шокировали их тогда,
Если жить человек очень хочет,
Бог поможет ему всегда!
Но закончилась служба вскоре,
Собрались «шурави» на банкет,
А душманы советнику Боре
Приготовили ночью «Презент» -
Мину мощную итальянскую
Заложили они в колею,
Чтобы утром под песню цыганскую,
Мы погибель нашли бы свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.